

Семья закончила обсуждать дела на поле и составила план, после чего приступила к позднему завтраку. Ли Сылан свою порцию получил из рук старшего брата, Ли Эрлана, который покормил его.

Ли Сылан, жуя, принялся жаловаться на то, что брат пришел поздно: Второй брат, почему ты так долго? Я уже несколько раз повторил наизусть Шан Дажэнь.

Ли Эрлан ответил: Я обсуждал с отцом и остальными дела с посевом. Мне исполнилось шестнадцать, я сходил в уездную управу, чтобы зарегистрироваться, и теперь мне выделили сто му земли. Вот и раздумываю, как лучше их засеять.

А как ты собираешься сажать? — Ли Сылану было всего пять лет, и хотя он мог выполнять кое-какую легкую работу, полноценным работником в семье его еще не считали.

Пока не решил. Сначала нужно освоить целину, а там видно будет.

Ли Сылан, мечтавший об играх, воскликнул: Брат, я тоже хочу пойти расчищать поле!

Ли Эрлан сплюнул: Кто тебе разрешил играть? Через десять дней тебе идти в частную школу, а ты всё о забавах думаешь. Как закончишь с Шан Дажэнь, начнешь учиться писать. Прописи, которыми пользуемся я и Третий брат, лежат на полке, возьми их и каждый день по часу переписывай.

Второй брат...

Не смей капризничать. Отработать время нужно полностью. Вернется Третий брат — он будет следить за твоими занятиями каждый день.

Накормив Ли Сылана, Ли Эрлан вынес посуду. Ли Ши, заметив, что он собирается мыть миски, хотела забрать их, но Ли Эрлан поспешно остановил её: Невестка, иди в комнату. На улице похолодало, не стоит тебе касаться ледяной воды. Остальное я сам помою!

Ли Ши знала характер Ли Эрлана: он, как и Ли Далан, был человеком слова, только нрав у него был еще суровее. Спасибо тебе, Эрлан.

Ли Эрлан отмахнулся, предлагая ей уйти, и принялся споро мыть посуду. Миски в их семье были большие — женщинам приходилось придерживать их обеими руками, но у него ладони были крупные: он хватал по две штуки сразу, сжимал внутри мочалку, чтобы она плотно прилегала к краям, и одним движением вычищал всё внутри и снаружи. Пару мгновений — и миска готова.

Вернувшись в комнату, Ли Ши увидела, что Ли Анян увела её сына на прогулку, а Ли Далан сидит и протирает оружие. Муж...

Заметив тревогу в глазах жены, Ли Далан отложил оружие, обнял её и принялся успокаивать: Не бойся. Хоть на границе сейчас и беспокойно, случаются набеги мелких отрядов врага, но волноваться не стоит. Скоро зима, масштабная война не начнется. Они просто тревожат рубежи, мешают торговле и пытаются нам досадить, но на наши цены это никак не влияет...

Привычка мужа рассказывать ей обо всем начистоту всегда приносила ей покой. Он перебирал её пальцы: Налог шелком уже уплачен, не нужно так изматывать себя. Найди время и сшей себе новую одежду — у Тунлана её и так полно, больше не надо.

Ли Ши тихо согласилась: Хорошо, я послушаю тебя.

Через несколько дней мы уйдем на освоение целины, боюсь, не будет времени следить за Сыланом. Эрлан дал ему задание по чистописанию, приглядывай за ним в будни.

Хорошо. — Ли Ши прильнула к груди мужа, наслаждаясь тихим счастьем.

Я с отцом пойду на тренировку, а дом останется на вас с матушкой.

Поняла. Муж, тебе в этом году еще нужно отбывать трудовую повинность?

Ли Далан кивнул: Осталось три дня, не переживай. Уездная управа сейчас набирает людей для ремонта каналов, и пока не начались работы на целине и сбор урожая, я пойду завтра.

Ли Ши тихо промолвила: Я буду ждать тебя дома.

Хорошо.

Цзи Цинъюэ не слышал в доме Ли никаких серьезных перемен, лишь знал, что они не отступят просто так. Попытка раздобыть еду у Ли Сылана была огромным риском, но он пошел ва-банк и не жалел об этом. Хорошо еще, что он не стал запугивать ребенка, а потратил время на то, чтобы заслужить доверие — так было надежнее.

Но что делать теперь?

Нельзя больше просить еду у Ли Сылана. Эти две лепешки неизвестно на сколько растянутся, да и мальчик, кажется, скоро пойдет в школу, времени почти не осталось.

Цзи Цинъюэ предположил, что осенняя школа — это что-то вроде современного осеннего семестра. Он не мог помешать ребенку учиться, но как ему выжить после ухода Ли Сылана?

Если не найти способ добывать пищу, его снова ждет голодная смерть.

Тот факт, что Ли Сылан знает о его существовании, уже был хождением по лезвию ножа, а тут еще и такой переполох. Если о нем узнают другие члены семьи Ли или кто-то чужой — страшно даже представить, чем это обернется.

Он не мог так рисковать.

Больше всего Цзи Цинъюэ любил сидеть на большом камне у ручья, слушая шум воды и звуки из дома Ли, глядя на далекие горы.

Вдали расстилалось огромное поле дикой травы. Ветер гнул пожелтевшие стебли, и они колыхались, как рисовое поле. Вот если бы там рос рис...

Земледелие?

Цзи Цинъюэ вздрогнул и обернулся. Перед его хижинкой была огромная пустая площадка, метров сто шириной, тянувшаяся до самого ручья. Оставлять такую землю пустовать было преступлением.

Но он не умел пахать и у него не было семян.

Солнце припекало всё сильнее. Цзи Цинъюэ наполнил термокружку водой и спрятался в хижине. Он жевал финики, глядя на солнце, и тревога постепенно заполняла сердце: если время здесь течет так же, как снаружи, то что с погодой? С температурой? Если снаружи наступит зима, не похолодает ли здесь тоже?

Эта мысль заставила его вскочить.

Нет, нельзя сидеть сложа руки. До холодов еще есть время, но хижину нужно укрепить, иначе при первом же дожде она превратится в водопад!

Цзи Цинъюэ выплюнул косточку и осмотрелся, пытаясь найти материалы для ремонта.

Вокруг было полно сосен, но их игольчатые листья вряд ли годятся для крыши. Были и деревья с широкими зелеными листьями, но ни цветов, ни плодов на них не было, и он не знал, что это за растения.

Тот, кто рисовал этот мир, молодец — столько сосен нарисовал, неужели нельзя было добавить бамбук или что-то с крупными листьями!

Цзи Цинъюэ присмотрелся к старым материалам хижины. Они напоминали солому, но были другими. Благодаря летнему лагерю в школе он видел, как выращивают и собирают пшеницу, так что совсем уж профаном не был. Эти стебли не были пшеничными, они казались цельными внутри и были очень длинными.

Где-то он их уже видел.

Цзи Цинъюэ посмотрел на поле дикой травы на другом берегу ручья. Разве это не та самая высокая трава?

На тот берег ему не попасть, но такая же трава росла и здесь, ниже по течению. Метрах в ста от хижины ручей становился спокойным и широким, образуя заводи, у берегов которых росли густые заросли.

Наступила осень, трава начала желтеть.

Цзи Цинъюэ присмотрелся: листья выглядели острыми, рвать их голыми руками опасно. Он попытался схватиться за основание стебля — прочный, ногтями не переломить.

Нужен острый инструмент.

В этом захолустье выбор был невелик — только камни.

Цзи Цинъюэ нашел подходящий булыжник и принялся с силой бить им по другому камню, пока не придал ему нужную форму. Если камень ломался, он брал другой — благо, камней здесь было в избытке.

После долгих усилий у него получился вполне сносный каменный нож.

Перед тем как попасть сюда, он жил в городе, где уже наступила осень, поэтому на нем были футболка, свитшот, джинсы и кроссовки. Чтобы не порезать руки и избежать риска заражения — ведь в случае раны антибиотиков не будет, и умереть от сепсиса было бы глупо — он натянул рукава до кистей.

Левой рукой он хватал траву, правой — орудовал ножом. Острое лезвие легко перерезало стебли. Но у каменного ножа был существенный минус: он быстро крошился. Приходилось постоянно делать новые или подтачивать старые.

Так, в бесконечном цикле заточки и жатвы, прошло всё утро. Цзи Цинъюэ был с ног до головы в грязи и траве, и хотя воздух был прохладным, спина у него насквозь промокла от пота.

Он решил искупаться в ручье.

Свежая трава была тяжелой, и после двух ходок у него отваливались руки и ныла поясница.

Он снова проголодался, но до еды еще далеко — сначала нужно починить дом.

Цзи Цинъюэ оглядел хижину: стены, которые можно проткнуть пальцем, и дырявая крыша. Хорошо еще, что художник не нарисовал здесь тигра, иначе он стал бы обедом в первый же день.

Каркас держался на нескольких толстых палках, образующих параллелепипед, сверху — конус крыши, покрытый плетеными матами.

Чтобы понять, нужно ли укреплять конструкцию, он подергал каркас. Опоры сидели глубоко, но соединения нужно было укрепить. Трава для связки не годилась — она теряла прочность после высыхания.

Он вспомнил про лианы, которые видел вчера у подножия горы.

Цзи Цинъюэ прошел через сосновый бор и вскоре нашел несколько видов вьющихся растений. Он попробовал перерезать их своим ножом. Самыми прочными оказались те, что вились по скалам — внутри у них были плотные волокна, которые почти не поддавались лезвию.

С огромным трудом он нарезал лиан, связал их в пучок и потащил назад.

Когда он закончил укреплять соединения, солнце уже клонилось к закату. Весь день ушел на заготовку травы и лиан.

Стряхнув пыль, он разделся и спустился к ручью. Ледяная вода смыла липкий пот.

Солнце скрылось за горой, забирая последние лучи света.

Цзи Цинъюэ постирал одежду, натянул веревку из лиан и развесил вещи — за ночь на ветру они высохнут. Ходить голым он не боялся: всё равно никто не увидит.

Последние дни он старался не пользоваться телефоном, чтобы экономить заряд, но батарея всё равно была на исходе. Раздался сигнал тревоги, и Цзи Цинъюэ почувствовал бессилие.

Раз так, то гулять так гулять!

На ноутбуке было несколько документальных фильмов о профессиях, которые он уже пересмотрел по многу раз.

Цзи Цинъюэ лег в хижине, открыл ноутбук и наслаждался последними крохами современной цивилизации.

В темную ночь, среди разбросанной травы, голый Цзи Цинъюэ лежал, глядя в экран. Мерцающий свет отражался на его лице, которое оставалось спокойным и бесстрастным.

Полночь. Батарея на исходе.

Настроение Цзи Цинъюэ стало невозможно описать: тоска вперемешку с каким-то странным облегчением.

Как только телефон и ноутбук отключатся, это будет означать, что он окончательно отрезан от своего прежнего мира. Впереди — лишь суровое выживание в этом примитивном месте.

Но человек должен жить дальше. Нет прошлого, которое нельзя оставить, и нет будущего, которое нельзя принять.

После нескольких дней борьбы и мучений он постепенно смирялся: он должен принять этот странный мир и сделать всё, чтобы выжить.

Экран погас. Ноутбук отключился.

Вокруг снова воцарилась тьма, а щеки Цзи Цинъюэ оказались мокрыми от слез.

Вскоре ветер высушил лицо, и он перевел взгляд на звездное небо — вид был по-своему прекрасен.

В это же время Ли Эрлана разбудил бормотание: Ли Сылан, прижавшись к нему, во сне твердил: Отец, не бей, не бей.

Ли Эрлан усмехнулся, уложил брата обратно, укрыл одеялом и встал с кровати.

Когда он открыл дверь, чтобы выйти, краем глаза заметил странное мерцание в кабинете напротив. Он моргнул, присмотрелся — в кабинете было темно. Видимо, показалось.

Ли Эрлан был человеком осторожным, поэтому решил проверить. Он пересек двор, заглянул в окно — внутри всё было как обычно, ни света, ни людей.

Неужели и правда померещилось? Ли Эрлан почесал затылок, так и не поняв, что это было. Делать нечего, он отбросил сомнения и пошел по своим делам.

Вскоре его снова сморило, и, вернувшись на лежанку, он крепко уснул.

А Цзи Цинъюэ, запертый в картине, даже не подозревал, что свет от его экрана просочился наружу. Он просто смотрел на ночное небо и постепенно закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/21408/2184618>